

Чан Яо продолжил возмущаться:

— А как же Сяосяо? Сяосяо ведет себя еще хуже меня, но ее-то вы отчитали для вида и тут же простили!

Дедушка ответил с полным на то правом и железобетонной уверенностью:

— Во-первых, Сяосяо — девочка. К тому же тогда она была совсем малышкой. Посмотри на нее сейчас: она выросла разумной и зрелой, куда до нее такому балбесу, как ты.

— Каждое появление Сяосяо на публике приносит мне куда больше гордости, чем выходы в свет с тобой.

— Раньше, когда я беседовал со своими старыми друзьями, они все намеками или напрямую просили меня получше тебя воспитать.

— Мол, сделай так, чтобы твой сорванец не перегибал палку с их парнями. Они столько об этом говорили, что мне самому становилось неловко.

— Но, учитывая, что компанию ты развиваешь вполне неплохо, я еще с тобой возиться не стал.

Чан Яо шумно возмутился:

— Вот уж поистине несправедливо! И с чего это, спрашивается, вы в какой-то момент начали смотреть на меня волком? Я-то ломал голову, думая, какую же глупость умудрился натворить, а оказывается, все дело в этом!

Чан Яо скрежетал зубами от злости:

— Ах эта компашка бездарностей! Проиграли в честном споре, так сразу побежали жаловаться старшим — ну до чего же бессовестные! Похоже, им все-таки не хватило хорошего урока. Пап, я пойду. Вы пока отдохните, а как начнется банкет, я приду за вами.

С этими словами Чан Яо с натянутой улыбкой развернулся и направился принимать «гостей».

Похоже, кому-то сегодня не поздоровится, — подумалось Чан Лэ.

Чан Лэ повернулся к дедушке:

— Разве дяде можно так поступать? Ничего страшного не случится?

Дедушка махнул рукой, давая понять, что проблема невелика:

— Твой дядя знает меру.

— В его нынешнем возрасте и взрослые, и малыши должны сами расхлебывать заваренную кашу.

— Пусть твой дядя хоть сам за себя постоит да и мне заодно поможет пар спустить.

— В то время те стариканы плелись за мной по пятам и так мне надоели своими нравоучениями! Но ради приличия пришлось согласиться и сделать вид, будто я их послушал.

— Теперь наконец-то можно позволить им извлечь из этого парочку уроков.

Тут Чан Лэ все понял и радостно рассмеялся:

— Так вы всё это время нарочно! Дедушка, ну ты и вредина.

Дедушка ущипнул Чан Лэ за ухо и шутливо выругал:

— Только ты и смеешь так разговаривать со своим дедом.

Чан Лэ притворно заныл от боли, умоляя дедушку о пощаде и лукаво улыбаясь:

— Дедушка любит меня больше всех! Дедушка, не сердись, я оговорился! Дедушка самый лучший и самый мудрый, и все, что он говорит — чистая правда.

— Ах ты, плутишка, умеешь же умаслить старика.

Дедушка покачал головой и тоже рассмеялся.

— А дедушке нравится?

Чан Лэ присел на корточки перед дедушкой и заглянул ему в лицо.

— Нравится. Дедушка безумно любит этого твоего маленького вредину.

Дедушка протянул руку и ущипнул Чан Лэ за нос, превратив того в забавного поросенка. Чан Лэ что-то невнятно забормотал и захныкал, вымаливая прощение, и выглядел при этом

невероятно живо и очаровательно.

— Ладно, ступай на улицу, помоги дяде и маме встречать гостей, а дедушке дай немного отдохнуть.

— Тогда отдыхайте, дедушка, а как начнется банкет, я приду вместе с дядей и заберу вас.

Чан Лэ шутливо отдал дедушке честь, а уже у самого выхода из комнаты снова высунулся из-за притолоки и помахал рукой на прощание.

Дедушка помахал ему в ответ и пробормотал себе под нос:

— Эта его пронырливость — ну просто вылитая мама в детстве.

Выйдя наружу, Чан Лэ отыскал глазами Чан Сяо и Чан Яо и уверенно зашагал к ним, но на полпути его перехватили.

Перехватчиком оказался не кто иной, как Ноэль.

Ноэль схватил Чан Лэ за руку. Чан Лэ огляделся по сторонам в поисках хоть какого-нибудь повода для побега, но, никого не найдя, обреченно вздохнул и посмотрел на Ноэля.

Поняв, что сегодня ему точно не отвертеться, Чан Лэ в ответ крепко сжал руку Ноэля, увлек его к уединенной террасе и остановился, скрестив руки на груди.

— Выкладывай, что стряслось?

Ноэль посмотрел на только что выпущенную из его ладони руку. В его потемневших глазах таился невыразимый смысл; подняв голову, он бесстрастно взглянул на Чан Лэ.

— Почему ты избегаешь меня? Я сделал что-то не так, и ты разозлился?

Чан Лэ почувствовал себя неловко и отвернулся, глядя на ночное небо.

Стоял прекрасный ясный день, туч на небе почти не было, и звезды сияли с особенной яркостью.

Вдалеке непрерывно бил фонтан, и до слуха Чан Лэ доносился мерный шум воды. Эмоции в груди бушевали.

Чан Лэ не знал, что сказать.

Ноэль смотрел в спину Чан Лэ и чувствовал его отторжение.

Но столько дней ожидания прошли не для того, чтобы прийти к такой сцене, где нечего сказать.

Ноэль схватил Чан Лэ за плечи и развернул к себе.

— Скажи мне что-нибудь, скажи хоть слово! Все эти дни, когда я приходил к тебе, ты либо находил предлоги, чтобы меня прогнать, либо мы сидели вдвоем пару минут, и ты снова принимался за какие-то дела. Первые два дня мы ведь неплохо ладили, разве это мне показалось?

Ноэль заставил Чан Лэ посмотреть ему в глаза, и Чан Лэ безо всякой видимой причины почувствовал опасность.

С усилием вырвавшись, Чан Лэ оттолкнул руку Ноэля.

— Хватит, мне не нравится, раз ты так меня допытываешь. раз уж ты хочешь знать ответ, то сначала я спрошу тебя: той ночью это был ты, верно?

Они встретились взглядами. Увидев серьезность в глазах Чан Лэ, Ноэль кое-что понял, немного расслабился, на его лице появилась привычная улыбка, и он признался:

— Это был я. Неужели Лэ-лэ не помнит?

Ноэль протянул руку и легко коснулся щеки Чан Лэ, продолжая говорить:

— В ту ночь мы оба отлично провели время, разве нет? Лэ-лэ ведь тоже отдался этому целиком, верно?

В глазах Ноэля читалось помешательство.

— Я помню, каким ты был тогда — просто невероятно прекрасным. Это самый красивый пейзаж из всех, что я видел за последние годы, даже лунный свет из окна померк и не шел ни в какое сравнение с тобой.

— Тогда ты был единственным цветом, который я мог видеть. Твоя кожа словно светилась, а когда мои руки касались тебя, твои пальцы на ногах поджимались.

— Ты был так прекрасен. Когда я целовал тебя, мне казалось, что я целую теплый нефрит. Когда я добрался до твоей шеи, ты оттолкнул меня, не разрешая оставлять метки там, где их может кто-то увидеть.

— Стоило мне задуматься об этом, как я понял: верно, такую красоту должен созерцать только я один! Стоит мне только представить, что кто-то увидит эти следы от поцелуев и задумается о твоём теле, как я схожу с ума от ревности. Ты мой, и никому не позволено взглянуть на тебя лишний раз!

Ноэль словно сорвался с цепи, продолжая без умолку говорить о той ночи.

Он рассказывал о том, каким Чан Лэ запечатлелся в его памяти, о том, как сильно он одержим его телом, о том, как сильно он его любит.

В словах Ноэля сквозило безумие.

Чан Лэ, впервые видевший Ноэля в таком состоянии, испугался.

Он инстинктивно отступил на полшага назад, начав сомневаться: неужели тот человек перед ним — всё ещё тот мягкий и вежливый Ноэль из его воспоминаний?

Заметив движение Чан Лэ, Ноэль умолк, прервав свой бурный монолог, его лицо разгладилось, и он снова принял мягкое выражение.

— Прости, я тебя напугал. Я просто потерял над собой контроль. Лэ-лэ может меня простить?

Говоря это, он подошел к Чан Лэ и опустился на одно колено.

Ноэль всегда знал свои сильные стороны и прекрасно понимал мягкосердечие Чан Лэ; он знал, какую позу принять, чтобы заставить Чан Лэ простить его быстрее всего.

Он снова принялся за свое, за этот свой излюбленный трюк, подумалось Чан Лэ.

Чан Лэ смотрел, как Ноэль что-то тихо шепчет перед ним.

Он начал отвлекаться, и голос доносился как будто сквозь вату.

Чан Лэ показалось, что он только что испугался внезапной выходки Ноэля, словно от резкого скримера в кино.

При этом содержание слов на самом деле не вызывало у него отторжения и даже не казалось

странным.

Словно на уровне подсознания он знал, что Ноэль — именно такой человек.

Будь то мягкий он или только что говоривший с ним столь откровенно — это всё он, просто разные его стороны.

Чан Лэ начал представлять: если бы в тот момент перед ним был нынешний, трезвый он, было бы всё так же?

Точно так, как говорил Ноэль? Наверное, всё так и есть, в конце концов, это проявление его собственного подсознания.

Чан Лэ с легким сердцем смирился с тем, что он законченный вайб-зависимый эстет, способный влюбиться в человека с первого же взгляда.

Голос Ноэля постепенно умолк.

Заметив, что Чан Лэ витает в облаках, он словно переломил какую-то невидимую струну в своей голове.

Он поднялся на ноги, обхватил голову Чан Лэ, лишая того путей к отступлению, и впился в его губы.

Чан Лэ, всё еще размышлявший о том, какой он на самом деле маньяк, от неожиданного нападения Ноэля разом вернулся в реальность.

В голове у Чан Лэ образовалась абсолютная пустота, и единственным ощущением оставалось соприкосновение двух тел.

Его губы продолжали безжалостно терзать.

В мыслях Чан Лэ мелькнуло ехидное замечание, что целуется этот парень из рук вон плохо, как вдруг резкая боль вернула его к действительности.

Сделав над собой усилие, Чан Лэ оттолкнул Ноэля.

— Ты что творишь?!

С недовольным видом Чан Лэ принялся отчитывать Ноэля.

Уголки губ Ноэля чуть приподнялись в усмешке:

— Как видишь, целую тебя.

— Разве это поцелуй? Это щенок кость грызет! Кто же так со всей дури целуется!

Слова Ноэля привели Чан Лэ в ярость, а стоило ему слегка коснуться губ, как по ним пробежала волна жгучей боли.

— Ты что, собака? С каких пор люди так кусаются!

Ноэль рассмеялся, причем с каждой секундой его смех звучал всё громче и звонче, так что даже гости вдалеке стали то и дело коситься в их сторону.

Чан Лэ бросился вперед и зажал Ноэлю рот ладонью.

Из-за небольшой разницы в росте со стороны казалось, будто Чан Лэ повис у Ноэля на шее.

Заметив эту сцену, гости дружно отвели взгляды и, сделав вид, будто всё поняли без слов, предпочли не замечать происходящего.

Чан Лэ зажимал ему рот довольно долго, и когда ему самому уже начало казаться, что он задохнется от нехватки воздуха, Ноэль наконец уgomонился.

Он взял Чан Лэ за руки и снова опустился на одно колено.

На этот раз он склонил голову, прижав руки Чан Лэ к своей макушке.

Чан Лэ слышал тихий голос Ноэля:

— Так Леле хочет погладить? Ну погладь, пожалей ты меня, своего бедного щеночка.

Руки Чан Лэ лежали на мягких волосах Ноэля. На ощупь они оказались гладкими и шелковистыми, словно дорогой атлас, и от этого нежного прикосновения оторваться было уже невозможно.

Чан Лэ продолжал ерошить волосы Ноэля.

В голове проносились мысли об этом человеке.

Он подумал, что если этот парень и впрямь собака, то разве что бойцовская.

Стоит дать ему шанс, и он с легкостью отхватит от врага огромный кусок плоти.

Он никому не позволит посягнуть на свою территорию, а сейчас он, похоже, пометил своим хозяином именно его.

На террасе воцарилось странное, зыбкое равновесие, но продлилось оно совсем недолго — его нарушили посторонние звуки.

До слуха донеслись чьи-то голоса, и обладатели их стремительно приближались.

Слышно было невнятно, но в том, что мужчина и женщина ссорятся, сомневаться не приходилось.

Они переговаривались на повышенных тонах, но разобрать слова удавалось с трудом.

Чан Лэ резким движением вздернул Ноэля на ноги и затащил за плотные шторы террасы, прячась от посторонних глаз.

Ноэль послушно последовал за ним, укрывшись в складках ткани.

Нелепые действия Чан Лэ позабавили Ноэля.

— Мы-то зачем прячемся? — шепотом спросил он, тыча пальцем в бок Чан Лэ.

— Тсс! Молчи, я просто машинально спрятался, сейчас выходить уже слишком неловко.

Чан Лэ отшлепал шаловливые пальцы и приложил к губам указательный палец, призывая к тишине.

Едва он умолк, как на террасу вышли те самые мужчина и женщина.

— Шэнь Цзинъю, нельзя ли прекратить за мной таскаться! Ты мне совершенно не интересен, то происшествие было чистой случайности, прекращай цепляться к словам и раздувать из мухи слона! Лучше всего просто забыть об этом, будто ничего не было!

В голосе женщины отчетливо слышалось раздражение, каждое её слово прямо кричало о желании поскорее отделаться от назойливого ухажера, однако собеседник явно не собирался отступаться.

— Сяоянь, ну остынь ты, у меня и в мыслях не было ничего дурного. Хотя тот день и вышел случайным, это ничуть не мешает моим чувствам к тебе.

— Я и вправду проникся к тебе симпатией, так что давай попробуем, почему бы не дать мне шанс?

— Не стоит так спешить и сразу всё отвергать, мне же тоже обидно, когда ты вечно от меня отмахиваешься.

Этот самый Шэнь Цзинью на словах сокрушался об обиде, но по тону его голоса было совершенно незаметно, чтобы он хоть капельку переживал.

Чан Лэ сквозь щель в занавеске с любопытством разглядывал открывшуюся картину.

Шэнь Цзинью с беззаботной улыбкой на лице удерживал Сяоянь за руку, рассыпаясь в самых искренних заверениях в своих чувствах.

Однако стоило сопоставить его слова с манерой поведения и интонациями, как в искренность этого человека переставало вериться от слова совсем.

Судя по всему, девушка думала точно так же.

Она резким движением выдернула руку из хватки Шэнь Цзинью и бросилась прочь, не оглядываясь и не обращая внимания на призывы Шэнь Цзинью остановить её.

Проводив взглядом исчезнувшую за углом женщину, Шэнь Цзинью вмиг сбросил улыбку с лица.

Чан Лэ услышал, как он презрительно цыкнул языком, вытащил из кармана зажигалку и щелкнул крышкой, затягиваясь сигаретой.

Выпуская клубы дыма, Шэнь Цзинью неспешной походкой направился вглубь террасы.

Поняв, что прятаться дальше бесполезно, Чан Лэ потянул Ноэля за собой и вышел из укрытия.

Шэнь Цзинью поначалу от неожиданности отшатнулся, но, разглядев гостей, с сомнительной усмешкой бросил:

— Обязательно было подслушивать, господин президент корпорации Ноа? Какая неожиданная страсть к чужим секретам.

Шэнь Цзинью приподнял бровь и продолжил:

— Ну как, понравился концерт под окном?

Каждое слово Шэнь Цзинью сочилось густым, нескрываемым ядом.

Причем направлена эта враждебность была явно не на Чан Лэ.

Коль скоро президента корпорации Ноа вряд ли волновали выпады в его адрес, оставался лишь тот, кто стоял за спиной самого Чан Лэ.

— Ты... президент корпорации Ноа?!

Голос Чан Лэ взлетел до небес, выдав его крайнее потрясение.

Заметив вытянутое от удивления лицо Чан Лэ, Ноэль едва удержался от желания ущипнуть его за щеку.

Он молча кивнул, подтверждая свою личность.

Чан Лэ прекрасно знал о корпорации Ноа — он слышал о ней от дяди.

Этот гигант пустил корни куда глубже, чем их собственный семейный бизнес. И хотя прежде они не вели масштабных дел на внутреннем рынке, любому предприятию, желавшему прорваться на международную арену, так или иначе приходилось иметь дело с Ноа.

Чан Яо как-то упоминал, что, узнав о планах корпорации Ноа официально выйти на отечественный рынок, он первым делом направил им предложение о сотрудничестве.

И дело было вовсе не в сиюминутной выгоде — куда важнее было расширить зарубежные горизонты, ведь дружественные связи сулили куда более гладкое движение товаров внутри цепочки поставок.

В памяти Чан Лэ всплыл разговор с родителями о Ноэле.

Тогда они просто обмолвились, что Ноэль — представитель корпорации Ноа, отправленный развивать их бизнес в стране.

Тогда Чан Лэ еще подумал, до чего же способный парень, раз сумел занять столь высокую должность в Ноа.

Теперь же, оглядываясь назад, он понимал, что угодил в сети этой смазливой мордашки и потерял голову, умудрившись не заметить очевидных нестыковок.

Разве слог «Но» в названии Ноа не отсылал к имени Ноэля?

Выходит, Ноэль не просто принадлежал к высшему кругу, он был прямым наследником самой влиятельной ветви.

Иначе с чего бы кому-то в столь юном возрасте доверять бразды правления столь гигантской корпорацией?

Чан Лэ понял, что явно недооценивал Ноэля.

Он закрыл лицо руками, с ужасом вспоминая всё, что успел выкинуть по отношению к нему.

Например, как он раз за разом оставлял его в одиночестве, а пару раз и вовсе захлопывал перед носом дверь — то, на что другие и помыслить бы не смели, он проделывал с ним с пугающей легкостью.

Шэнь Цзинью почувствовал себя нагло проигнорированным.

Судя по тому, какая странная атмосфера витала между этой парочкой, казалось, что для третьего человека здесь попросту не осталось места.

Шэнь Цзинью это жутко не понравилось.

Как-никак, он тоже был главой известного на всю страну предприятия.

Пусть они и уступали такому монстру, как корпорация Ноа, но с тех пор, как он взял бразды правления в свои руки, корпорация Шэнь развивалась семимильными шагами, процветая день ото дня.

Их рыночная капитализация взлетела в несколько раз, мгновенно выведя компанию в безусловные лидеры рынка.

<http://bllate.org/book/22222/2318863>